

Новые тексты

ИССЛЕДОВАНИЯ РАВНОВЕСИЯ ОБМЕНОВ И НАЧАЛА ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАБОТАХ ПАРЕТО

Зотов Андрей Анатольевич

научный сотрудник отдела теории и истории социологии Института социологии РАН

Email: andrzotow@yandex.ru

Для целостного понимания содержания социологических трудов Вильфредо Парето необходимо иметь представление об особенностях экономического этапа его научного творчества и о тематике его экономических трудов. В статье рассматривается влияние экономического этапа на социологические работы ученого – на разработку им теории социального равновесия, а также выявляются причины его перехода из политэкономии в социологию. Очевидно совпадение его либеральных убеждений в годы вхождения в экономические исследования с условиями вступления обществ в состояние экономического процветания, представленными в его «Курсе политической экономии». Такими условиями, согласно результатам исследования моделей равновесных рынков, оказывалось обеспечение свободы рыночных обменов. Социологическая проблема, которая привлекла внимание Парето (хотя он не сформулировал ее в явной форме) заключалась в том, чтобы понять, почему большинство людей действуют не так, как это необходимо для формирования оптимальных условий экономического и социального развития в их странах. Именно такое поведение он регулярно наблюдал в Италии с конца 1870-х годов, когда большинство избирателей поддерживало программы правительств, проводивших политику протекционизма, вместо того чтобы добиваться их отставки. Чем же объясняется то, что в социологической теории Парето сделал главным предметом изучения «нелогические действия»? Очевидно, что такая исследовательская ориентация связана с осознанием им несоответствия реальности тех представлений о преобладании рациональной стороны в социальном поведении большинства людей, которыми он прежде руководствовался, следуя традициям, господствовавшим в общественных науках того времени. В ходе исследований социальной системы им делается вывод о невозможности достижения обществом оптимального состояния, обеспечивающего ему наибольшее экономическое процветание. Такой результат противоположен тому, с чего Парето начинал свою исследовательскую работу, занимаясь поиском условий формирования оптимальной экономической системы.

Деятельность Вильфредо Парето как социолога развернулась на рубеже XIX–XX веков, и ей непосредственно предшествовал этап его экономического творчества. В апреле 1893 г. по предложению французско-швейцарского экономиста Леона Вальраса Парето получил должность внештатного профессора политической экономии на юридическом факультете Лозаннского университета, а вскоре сменил Вальраса в заведовании кафедрой политической экономии. Влияние экономического периода на социологическое творчество Парето проявилось, в частности, в его стремлении при анализе социальной системы выделить ее наиболее существенные характеристики как «взаимосвязанные переменные» и рассмотреть влияние их изменений на социальное целое по аналогии с моделированием и анализом экономического равновесия. Таким образом, изучение созданной итальянским классиком социологической системы требует знакомства с его экономическими произведениями.

Обращение Парето к социологии произошло в результате попыток дать необходимое дополнение к курсу политэкономии, который он читал в Лозаннском университете. Эти попытки означали выход за границы экономических наук для более обстоятельного изучения действий, нацеленных на обеспечение материального благосостояния. Парето пришел к

выводу, что экономические явления нельзя понять при их изолированном рассмотрении. Поначалу итальянский ученый намеревался лишь несколько развить и доработать материал главы «Общие принципы социальной эволюции» второго тома своего «Курса политической экономии» (1897 г.) как дополнение к экономической теории, но работа над «небольшим дополнением» перешла в двадцатилетний труд над «Трактатом по общей социологии». Рассмотрение особенностей биографии ученого и его социально-политических ориентаций позволяет лучше понять причины его обращения к политэкономии, а затем – к социологии.

В 1870-е годы Парето приступил к инженерной деятельности и на протяжении двадцати лет работал управляющим металлургической компанией, что позволило ему получить обширную и разностороннюю информацию о социальном, экономическом, политическом положении Италии и европейских стран (Англии, Франции, Германии). Эта информация воспринималась им с позиций классического либерализма (общей мировоззренческой установки), а также свойственного инженеру подхода к научному знанию (включая и социальные науки) исходя из требований строгости, обоснованности и соотнесения его с «опытными фактами». Все это закладывалось в нем со студенческих лет. Многие преподаватели Туринского университета, который Парето окончил в 1869 г., были либералами, а свои философские предпочтения нередко связывали с позитивизмом (особенно те, кто преподавали на факультете математических, физических и естественных наук, на котором он учился).

То обстоятельство, что Парето перешел в социологию от экономических исследований, обусловило его понимание ее предмета. В «Курсе политической экономии» он не использует наименование «социология», а вместо этого рассуждает об *общей социальной науке*, которую мыслит как совокупность специальных социальных наук, таких как «правовая наука, науки о религиях, о морали, об интеллектуальном развитии, эстетика, наука об организации обществ и другие» [Pareto 1964: Part II, p. 12]. В «Трактате по общей социологии» он по-прежнему рассматривает социологию как обобщающий синтез частных социальных наук, «направленный на изучение человеческого общества вообще» (§ 1 «Трактата») и в этом повторяет Конта [Pareto 1968]. Свой выход в область социологии он объяснял как расширение поля исследований, а экономические действия рассматривал как частный случай социальных действий.

В «Курсе политической экономии» в качестве одной из задач, решаемых экономическими науками, он называет поиск ответа на вопрос: «Каковы те условия, которые обеспечивают максимум благосостояния для наибольшего числа людей?» [Pareto 1964: Part II, p. 2], и при ее решении, наряду с Вальрасом, стремился активно использовать метод математического моделирования.

Механика экономических обменов. Условия экономического равновесия

Попытку построения математической экономии впервые предпринял французский математик и экономист О. Курно в работе «Исследование математических принципов теории богатства» (1838 г.). Подобно Курно, Парето полагал, что многие экономические явления по самой своей природе имеют количественный характер, и с этим связывал стремление экономистов XIX в. дополнить качественный метод, используемый с момента зарождения экономических наук, количественным методом. Он отмечал также, что для изучения политической экономии полезно иметь представление о принципах рациональной механики, поскольку «равновесие экономической системы проявляет поразительные аналогии с равновесием механической системы» [Pareto 1964: Livre 2, p. 12]. В ходе изучения экономических обменов он стал использовать принципы, подходы и методы, сходные с теми, которые применяет Лагранж в «Аналитической механике» (1788 г.). При установлении «простых» и «всеобщих» принципов механики Лагранж исходил из характерных для многих ученых XVIII в. представлений, что такие принципы могут быть истинными только в том

случае, если они соответствуют объективным процессам. Добавим, что в «Аналитической механике» Лагранжа, которая для Парето всегда была своеобразным эталоном научного совершенства, осуществлен синтез на основе математической формализации законов статики и динамики. В этой работе Лагранж развивает статику как учение о равновесии¹.

Тема равновесия и динамика равновесных систем стала ориентиром в экономических, а затем и социологических исследованиях итальянского ученого. Парето заимствует из механики Лагранжа ряд научных понятий (например, понятия силы, связи, равновесия, виртуальных движений), но у него они наполняются экономическим, а затем и социологическим содержанием. Лагранж в «Аналитической механике» определил равновесие как состояние, возникающее при взаимной компенсации действия разнонаправленных сил: «Равновесие получается в результате уничтожения нескольких сил, которые борются и взаимно сводят на нет действие, производимое ими друг на друга» [Лагранж 1950: 17]. Аналогичным образом в «Курсе политической экономии» Парето определяет условие равновесия в экономических системах: «Экономическая система будет именоваться находящейся в равновесии, если изменение одного из условий этой системы вызовет другие изменения, которые произведут прямо противоположное действие. Такое равновесие является *устойчивым*, когда произведенное изменение будет иметь малую величину. Оно оказывается *неустойчивым* на границе, где условия равновесия действуют только в отношении бесконечно малого изменения» [Pareto 1964: Livre I, p. 18]. Отметим, что такое определение было отнесено им не только к экономической системе. Оно иллюстрируется и подтверждается, согласно Парето, фундаментальной взаимозависимостью социальных феноменов. «Мы наблюдаем», – пишет он, – «что состояние общества чаще всего меняется довольно медленно. Всякое общество обычно оказывает довольно значительное сопротивление тем внешним и внутренним силам, которые стремятся его изменить. Случайные движения, совершаемые в обществе, нейтрализуются теми движениями в противоположную сторону, которые они вызывают. В конце концов, эти движения гаснут, и общество возвращается в начальное состояние. Следовательно, это общество может рассматриваться как находящееся в состоянии равновесия и равновесия стабильного» [Pareto 1964: Livre II, p. 9]. Чтобы предупредить возражение, что подобное равновесие приводит к стагнации и застою, он тут же добавляет: «речь здесь идет не о статическом равновесии, но о равновесии динамическом, при этом все общество вовлечено в общее движение, которое его медленно изменяет. Именно такому движению обычно дают имя эволюции» [там же]. Поскольку динамическое равновесие при экономических обменах Парето рассматривал в механистических и абстрактных формах, ему удавалось выразить его с использованием математического языка.

Парето в целом разделял взгляды Д.С. Милля в отношении предмета политической экономии, считавшего, что эта наука исследует людей как занятых исключительно приобретением и потреблением богатства. В первом приближении он считал допустимым использовать упрощение, которое ввели представители школы маржинализма², когда

¹ В «Аналитической механике» Лагранж определяет статику как «науку о равновесии сил» [Лагранж 1950: 16]. Опираясь на достижения Эйлера, Даламбера и других математиков, он дает анализ с единой точки зрения механики точек и твердых тел спустя сто лет после выхода «Математических начал натуральной философии» Ньютона.

² Его наименование происходит от французского слова *marginal* — «предельный». Этот термин указывает на стремление представителей названного направления (Ф. Эджуорт, У. Джевонс, В. Лаунгардт, И. Фишер, Л. Вальрас и др.) использовать в экономическом анализе предельные величины. Отсюда – вводимые ими понятия «предельная полезность», «крайняя полезность», «редкость» (как соотношение между количеством блага и пользой, получаемой от него), «предельная производительность» и т.д.

рассматривали *homo economicus* как абсолютного гедониста и «строили политическую экономию как изучение поведения этого абстрактного существа» [Pareto 1892: 409]. Парето отмечает, что это идеализация, подобная тому, как в физике пользуются понятиями: абсолютно упругое тело, абсолютно твердое тело, материальная точка и др. Он находит у английского экономиста Ф. Эджуорта исследование условий «равновесия системы гедонистических сил, каждая из которых стремится обеспечить максимум благ для отдельного индивида» [Pareto 1892: 409–410]. В целом можно отметить, что концепция экономического равновесия Парето представляет собой развитие теорий обмена Дживонса, Эджуорта и Вальраса, каждая из которых имела свои особенности.

В изучении проблемы нахождения условий равновесия между спросом и предложением, производством и потреблением товаров и услуг, устанавливающегося в случае свободного рынка, Парето продолжает начатую Курно разработку математических моделей обмена. Одна из таких моделей, которую Парето считал наиболее удачной, была выстроена и математически формализована Вальрасом. В книге «Элементы чистой политической экономии» (1875 г.) Вальрас формулирует и выражает в математической форме условия задачи экономического обмена, для решения которой выводит уравнения, связывающие ряд переменных: цены, спрос на товары, количества обмениваемых благ [Вальрас 2000: гл. 1]. Исходя из принципа преобразования и эквивалентности благ, он формулирует теорему бартерного обмена. Парето в целом разделяет подход Вальраса, но вносит в него ряд поправок, по его мнению, лучше позволяющих учесть субъективный характер потребительной «ценности»³ экономических благ (товаров или услуг) для участников обмена, которые руководствуются соображениями «пользы» или «выгоды». Как и Вальрас, Парето считает, что при наличии свободной конкуренции (отсутствии монополии) порядок торговых обменов и пропорции цен установятся сами по себе вместе с равновесием.

Полезность и стоимость

В построении моделей экономического обмена экономисты второй половины XIX в. исходили из представления о стремлении участников обмена удовлетворять те или иные потребности как об истоте элементарных актов обмена. На уровне обменных актов в полной мере проявляются индивидуальные вкусы и предпочтения потребителей. Представители маржинализма ставили во главу угла полезность как пользу, выгоду или удовольствие, получаемые потребителем от покупки товара. Экономическая теория Парето также выстраивается с опорой на представление о полезности экономических благ как их совокупной характеристике, выражающей индивидуальные вкусы участников обменов, в которых он усматривает движущую силу всякой экономической деятельности. Для учета субъективного характера вкусов и предпочтений потребителей Парето вводит особый термин — *ophélimité*, «от греческого *ὀφέλιμος*, чтобы выразить отношение соответствия, которое обеспечивает то, что некая вещь удовлетворяет потребность или желание, являющееся или не являющееся легитимным» [Pareto 1964: Livre I, p. 3]. Введение этого понятия позволяет, по его мнению, избежать многочисленных экивоков, вызываемых использованием слова «полезное» в обычном языке, как противопоставляемого «вредному». Выраженную термином *ophélimité* сугубо субъективную характеристику вещи, удовлетворяющей потребности и желания конкретного индивида, Парето отделяет от полезности в обычном (обыденном) смысле слова как «свойства вещи, делающего ее

³ Отметим, что сторонники маржинализма избегали использования в экономической теории понятия «стоимость» ввиду его абстрактности и малой определенности.

подходящей для развития, процветания или благополучия некоторого отдельного индивида, группы людей или всего рода человеческого» [там же]⁴.

Парето обращает внимание на неопределенность, многозначность и отвлеченный характер понятия «стоимость», которому стало придаваться значение некоей «метафизической» и даже «мистической» сущности. В частности, он обращает на это внимание в ходе критики трудовой теории стоимости. По поводу суждений о том, что «цена представляет собой конкретное выражение стоимости», в «Трактате по общей социологии» он иронически заметил: «Мы знаем о воплощениях Будды; к ним следует добавить воплощения стоимости. При использовании столь чудесной фразеологии можно сказать, что кот представляет собой конкретное воплощение кошачьих ухваток, а вода – конкретное воплощение принципа текучести...» [Pareto 1968; см. прим. к § 62]. Он считает допустимым вести речь только о *потребительной стоимости* (в значении *ophélimité*) и *меново́й стоимости*.

Парето ставит задачу определения условий, при которых обеспечивается равновесие в удовлетворении потребностей сторон, когда каждый из участников сделки обеспечивает себя необходимым ему товаром в обмен на свой товар. Обмен рассматривается в динамике, как развивающийся процесс. В ходе анализа данной модели он приходит к выводу, что каждый из участников остановит обмен одного товара на другой товар в тот момент, когда для него *ophélimité* последних порций обмениваемых товаров окажутся равными. Иными словами, обмен закончится, когда каждый из контрагентов в ходе обмена товаров достигнет стадии насыщения, на которой для обеих сторон окажутся равными уровни удовлетворения потребностей от последней порции отдаваемого товара, и от порции товара, который он получает взамен. При этом не имеет значения, осуществляет ли индивид бартер, т.е. непосредственный обмен излишков произведенного продукта на необходимый ему продукт, или же он продает свой продукт за денежный эквивалент, и на деньги приобретает требуемый продукт. Парето утверждает, что «в условиях свободной конкуренции цены устанавливаются таким образом, что это обеспечивает максимум *ophélimité* каждому участнику обмена» [Pareto 1964: Livre 1, p. 28]. И далее отмечает: «максимум *ophélimité* соответствует максимуму благосостояния в текущий момент, и именно этот максимум благосостояния обеспечивает участникам обмена свободная конкуренция» [там же]. Этот результат непосредственно следует из условий устанавливающегося равновесия, выраженных с помощью уравнений обмена. Здесь Парето сходится с Вальрасом. Отметим, что Вальрас анализирует идеальный случай ничем не ограниченной, полностью открытой, абсолютно свободной и честной конкуренции. Его он представляет как некий предел, к которому стремятся прийти реальные экономические обмены по мере приближения конкурентной среды к таким предельным условиям. В этом идеальном состоянии (можно провести аналогию с мысленными экспериментами Галилея в механике) ни один из продавцов и покупателей не способен существенно влиять ни на цены, ни на масштабы продаж, и тогда независимо от их воли цена в пределе становится равной себестоимости, а предприниматель не получает от производства ни прибыли, ни убытка. Совершенная конкуренция, как полагал Вальрас, обеспечивала бы равенство рыночных цен средним и предельным издержкам производства, достижение производством экономически эффективного уровня, а также достижение максимального уровня общего благосостояния. Однако при невыполнении хотя бы одного из этих условий эффективность рынка трудно гарантировать. В реальной экономической действительности не существует рынков, которые

⁴ Это мы можем пояснить на нашем примере: для курильщика «офелим» табак; для наркомана – опиум. Они удовлетворяют их потребности, однако полезность курения и тем более потребления наркотиков для здоровья людей более чем сомнительна, скорее наоборот – они вредны для здоровья. Многие лекарства, горькие или неприятные на вкус, для детей не обладают «офелимите», но полезны для их здоровья, когда помогают в лечении.

полностью отвечали бы этим идеальным условиям. В первом разделе «Элементов чистой политической экономии» Вальрас особо подчеркивает, что научная теория анализирует «идеальные типы», полученные путем абстрагирования от «реальных типов»: «Политическая экономия должна заимствовать из опыта типы обмена, предложения, спроса, рынка, капиталов, доходов, производительных услуг, продукции. ... Таким образом, на идеальном рынке у нас будут идеальные цены, находящиеся в строгом соотношении с идеальным спросом и предложением. И так далее» [Вальрас 2000: 23–24].

В соответствии с концепцией Вальраса, свободная конкуренция приводит к постепенному выравниванию дисбалансов между спросом и предложением, к снижению завышенных продажных цен и приближению их к величине себестоимости. Однако в случае образования монополии складывается иная ситуация: увеличение объемов производства и снижение цен происходят только тогда, когда они обеспечивают повышение прибыли предпринимателей-монополистов.

Либеризм⁵ и протекционизм

Наряду с развитием концепции надлежит обратить внимание на внешние факторы, которые обусловили внимание Парето к рассмотренной выше проблематике. Этот интерес обозначился в период его деятельности инженера-промышленника и управляющего металлургическим предприятием, который непосредственно предшествует началу его академической и преподавательской работы. Немалое значение имели контакты с либеральными экономистами из Общества Адама Смита, в которое он вступил в 1874 г., в момент его создания. Общество было образовано итальянскими либералами по образцу Лиги Кобдена⁶ и с аналогичными задачами — для борьбы с этатизмом, который наметился в Италии в 1876 г., когда в правительстве предпринимались попытки проведения национализации железных дорог путем их принудительного выкупа у частных компаний. Члены Общества Адама Смита выступили за реализацию принципа *laissez-faire* — свободы торговли (экономических обменов), частного предпринимательства и индивидуальной инициативы. Несмотря на всю свою активность, итальянские либеристы не добились успеха. Напротив, в Италии, в отличие от Англии, вскоре восторжествовал протекционизм.

Парето полагал тогда, что вывести Италию из кризиса позволят те же самые меры, благодаря которым Англия добилась в XIX в. небывалого экономического подъема — путем восстановления свободного обмена и отмены протекционизма. Он разделял убеждения большинства членов Общества Адама Смита, что эффективным средством достижения такой цели является пропаганда новых экономических теорий, позволяющих обновить экономический строй. Поэтому с середины 1870-х годов он начинает публиковать свои статьи на темы экономической и социальной жизни Италии в журналах «L'Economista» (издание Общества Адама Смита) и «Giornale degli economisti» (издание Ассоциации за прогресс экономических исследований). Как социальный публицист он проявляет особую активность в 1880-х – начале 1890-х годов. Главная тема этой публицистики – выявление социальных истоков кризисных явлений в экономике Италии и причин введения в 1887 г. протекционизма ее правящими кругами. В ней четко выражены политические убеждения

⁵ Наименование экономической концепции, сторонники которой отстаивают принципы свободы частной инициативы и свободы торговли (упразднения таможенных сборов).

⁶ «Лига против хлебных законов», основанная в Великобритании Джоном Кобденом в 1842 г. и поддержанная лидерами либеральной партии, в том числе Джоном Росселем. Активная агитация Лиги повлияла на общественное мнение избирателей и обеспечила отмену хлебных законов – основы всей системы английского протекционизма. Результатом стало снятие покровительственных пошлин и обеспечение свободы торговли.

автора – в то время радикального либерала, решительного противника централизации государственной власти и правительственной опеки в отношении деятельности частных предприятий. Парето указывал на то, что в условиях государственного протекционизма складывались благоприятные условия для появления и процветания частных монополий, которые он считал еще более вредными, чем государственные монополии, отмечал, что такая политика государства ведет к разорению значительной части мелких и средних производственных предприятий, а также мелких земельных собственников в сельской местности. Ухудшение экономического положения страны было связано также с изменением ориентаций во внешней политике. В публицистике Парето показывает, что вступление Италии в германский «Тройственный союз» (1887 г.) и последовавший за этим разрыв ее торгового договора с Францией (1888 г.) положили начало «торговой войне» между двумя странами и тем самым сильно ударили по положению сельского населения, поскольку Франция являлась основным импортером итальянских сельскохозяйственных товаров.

Правительственная поддержка в отношении национальных предприятий в таких отраслях, как металлургия, судостроение, химическая промышленность осуществлялась путем установления конкретным компаниям налоговых льгот и выделения им государственных заказов и премий. Это расширяло поле для злоупотреблений государственных чиновников. Правительственная «манна» чаще всего доставалась наиболее ловким промышленникам, умеющим угождать властям и заниматься интригами. Парето в резкой форме отреагировал на создание в Италии ее премьером Депретисом первых государственных концернов с целью подключения к участию в них частного капитала (на правах концессии). Он исследует действия тех представителей правящей верхушки, которые распоряжались средствами, изымаемыми у граждан с помощью налогов, повышаемых на основании правительственных декретов. В статье 1897 г. «Этатизм в Италии» весь этот процесс характеризуется Парето как «организованное ограбление в пользу части богатого класса» [Pareto 1964: 229]. Инициаторы политики протекционизма пытались убедить избирателей, что введенные меры жизненно необходимы, направлены на подъем общего благосостояния. Осуществление правящей группой манипулирования чувствами граждан и амбициями депутатов побуждало Парето к обвинительно-разоблачительным выступлениям в печати [Парето 2006].

В одной из полемических публикаций Парето пишет, что теорема свободного обмена, «доказанная так же хорошо, как теоремы рациональной механики», показывает, что «свободная конкуренция приводит к максимуму благосостояния». Эта теорема «доказала, что любая непосредственная передача богатств от одной группы индивидов к некоторым другим индивидам сопровождается разрушением богатства», столь же четко, как «было осуществлено доказательство второго начала термодинамики» [Pareto 1897]. В дальнейшем итальянский экономист стал обращать внимание на определенные расхождения между этой теорией и действительностью. В «Трактате по общей социологии» он отмечает: разработанная экономистами неоклассической школы «чистая» экономическая теория имеет в качестве прямого следствия вывод, что введение таможенного протекционизма влечет за собой разрушение богатств. Однако реальность расходилась с теорией: «английское процветание прирастало при свободном обмене, тогда как германское развивалось при протекционизме» [Pareto 1968: § 2014].

Опора на экспериментальный метод

При проведении экономических исследований Парето следует методу, изложенному Д.С. Миллем в разделах «Системы логики» (кн. VI, гл. VII, IX), посвященных изложению особенностей применения экспериментального метода в социальных науках. Вот как Парето передает суть этого метода в статье 1892 г. «Основные принципы чистой политической экономии»: «Принимаются некоторые гипотезы, из которых посредством логических, или математических дедукций (что оказывается одним и тем же, поскольку математика есть ни

что иное, как применение логики) получают следствия, которые затем соотносят со знаниями, добытыми путем наблюдений или признанными в качестве истинных на основе опыта. Только благодаря этому, и никак не иначе, заслуживают доверия выдвинутые гипотезы» [Pareto 1892: 393]. Его расхождение с Вальрасом заключается в том, что последний проводил четкое разграничение между использованием *экспериментального* и *математического* метода. Вальрас подчеркивал: «Математический метод не является *экспериментальным*, это метод *рациональный*... Очевидно, что физико-математические науки отходят от опыта, как только они позаимствовали у него свои типы. Из этих реальных типов они абстрагируют типы идеальные и определяют их; на основе этих определений они строят *a priori* конструкции своих теорем и их доказательств. Затем они вновь обращаются к опыту, не только для того, чтобы подтвердить, но и для того, чтобы применить свои выводы» [Pareto 1968: 23]. В этом отношении Вальрас, в отличие от Парето, отмечал возможность теории развиваться из собственных основ и не обращаться всякий раз непосредственно к опыту. Потому в нем мы видим исследователя, который сделал имплицитно значительный шаг по преодолению позитивизма. Именно здесь Парето усмотрел отход Вальраса от «экспериментальной реальности».

В приверженности «экспериментальному методу» нашло выражение стремление Парето приблизить политическую экономию и социологию к реальному исследованию по освоению социального и исторического материала. Цели такого исследования являются исключительно научными – *познать, узнать*, и не более того. Следующий экспериментальному (единственно научному, как считал Парето) методу исследователь ставит перед собой чисто познавательные цели, не руководствуется индивидуальными пристрастиями, соображениями практического интереса или заботами о благе человечества, или какой-либо его части. Он не должен поддаваться воздействию тех чувств, которые может вызвать в нем объект изучения. Стремясь строить социологию нейтрально в ценностном отношении, он рассматривал наблюдаемые в человеческом обществе явления как «экспериментальные» (объективные) факты. В развернутом виде правила логико-экспериментального исследования сформулированы Парето уже в «Трактате по общей социологии». Они сводятся к следующим принципам:

- 1) получать знания только на основе опыта и наблюдений;
- 2) посредством систематического наблюдения выявлять связи между изучаемыми фактами и устанавливать характерные для социальных явлений единообразия (законы);
- 3) обобщать добытые знания, выдвигать и проверять на опыте гипотезы, объясняющие факты;
- 4) на основе применения логических методов стремиться распространять полученные знания на те области, которые недоступны непосредственному наблюдению. Ни одно научное положение не может быть принято исследователем на веру, оно всегда подлежит проверке опытом.

Недостижимость оптимума в социальной системе

От Вальраса Парето воспринял идею о необходимости дальнейшей разработки концепции общего экономического равновесия. Вальрас называл общим экономическим равновесием установление такого состояния, при котором равновесие достигается одновременно на каждом из рынков: благ, денег, ценных бумаг и труда⁷. Вместе с тем, закон спроса и

⁷ Равновесие на рынке благ (товаров и услуг) означает ситуацию, в которой действительный спрос равен действительному предложению. Равновесие на денежном рынке выступает как ситуация, в которой количество предлагаемых денежных средств равно количеству денег,

предложения в модели Вальраса относится лишь к идеализированному случаю и требует существенной корректировки при переходе к рассмотрению неравновесных рынков.

Парето исследовал экономическую систему с использованием молекулярной модели. Он представлял ее как агрегат людских молекул, движимых вкусами и удерживаемых связями из-за тех препятствий, которые противостоят им в удовлетворении их вкусов (в получении экономических благ). В актах экономического обмена вкусы одних индивидов выступают в качестве препятствий для других индивидов. Равновесие устанавливается, когда эти противоположные силы уравниваются, и экономическая наука должна ограничиваться, согласно Парето, изучением механизмов, посредством которых это совершается. В ходе анализа представленной модели Парето пришел к выводу, что в условиях, близких к свободной конкуренции, экономическая система совершает осцилляции вблизи некоей точки, обеспечивающий максимум *ophélimité* для образующих ее индивидов. Эту точку максимума индивидуальных *ophélimité* (для всех индивидов) он обозначает как оптимум *Q*. В современной экономической теории такая точка ныне носит имя *оптимума Парето*, который определяется как такое предельное состояние, в котором ни один член группы или общества не сможет улучшить своего положения, чтобы при этом не ухудшилось положение кого-либо другого.

Но он рассматривал как гипотетически допустимое нахождение еще одного оптимума, прибегая не к экономическим, а к этическим рассмотрением социальной полезности, чтобы узнать, каким индивидам надо помогать, жертвуя при этом интересами других индивидов. Точку, в которой таким путем достигается *максимум полезности для большинства* представителей общности, он обозначил как оптимум *P* и назвал ее как *максимум полезности для общности*. Эти две точки принадлежат к двум разным группам: в группе *P* движения таковы, что они полезны для одних индивидов, но при этом вредны для других; в группе *Q* движения приносят пользу или же вред всем индивидам. Точки *P* определяют, приравняв к нулю некоторую сумму гомогенных количественных показателей, которые зависят от гетерогенных *ophélimité*.

Парето и впоследствии развивал подход, выступавший продолжением проведенного им ранее анализа актов обмена. Он также попытался обобщить представленную экономическую модель равновесия на изучение социальных действий и условий социального равновесия, однако понял, что здесь она уже не сможет соответствовать социальной реальности. Это было связано с тем, что в отличие от экономических действий, которые с достаточно высокой близостью к реальности можно рассматривать как совершаемые под влиянием материальных интересов *логические действия*, социальные действия наряду с интересами задаются также чувствами, и в основном являются *нелогическими действиями*. Для учета нелогической компоненты социального действия Парето вводит специальный конструкт, обозначаемый с помощью латинского термина *residui* — «остатки» как обобщение базовых не контролируемых сознанием человека импульсов и побуждений, получающих выражение в социальном действии. В главе XII «Трактата по общей социологии» Парето отмечает, что «экономическая система может быть представлена как состоящая из некоторых молекул⁸, движимых вкусами и склонностями, которые сдерживают связи и препятствия к достижению экономических благ. Социальная система намного сложнее. Даже стремясь упростить ее, насколько это возможно, мы, чтобы не впасть в грубые ошибки, должны рассматривать ее хотя бы как соединения неких молекул, в которых имеются остатки, деривации, интересы, склонности и т.д. Находясь под влиянием множества связей, эти молекулы совершают

которые стремятся иметь на руках население и предприниматели (представляет собой точку пересечения кривых спроса и предложения денег) [Вечканов, Вечканова 2006: 80].

⁸ Термином «молекула» Парето обозначает первичный элемент социальной системы и нередко использует словосочетание «людские молекулы».

логические и нелогические действия» [Pareto 1968: § 2079]. При исследовании экономической деятельности нелогическую часть с достаточно большой близостью к реальности можно отнести к вкусам и вынести за скобки, поскольку вкусы могут рассматриваться в качестве источника экономических действий, совершаемых уже в соответствии с логикой объективной целесообразности. Иначе обстоит дело с социальной деятельностью. Здесь «остатки» не могут выноситься за скобки наравне с влиянием природной среды: «Напротив, имеет место большое расхождение между реальностью и гипотезой, согласно которой люди от остатков делают логические выводы и действуют в соответствии с ними. В таких действиях они используют деривации⁹ намного чаще, чем строго логические рассуждения. Остатки – это не только источник действий, подобно вкусам; помимо этого они оказывают влияние на ход и последствия действий, которые ранее совершились, что демонстрируют нам деривации, подменяющие логические выводы. Таким образом, если бы наше знание опиралось на гипотезу о том, что от некоторых имеющихся остатков выводятся логические следствия, она представляла бы общий вид феномена, далекий от реальности. Следовательно, данная наука должна быть теорией примерно такого же рода, как неевклидова геометрия или геометрия в четырехмерном пространстве» [там же]. В приведенных рассуждениях Парето убеждает читателей, что остатки оказываются не просто побудительным источником социальных действий, они влияют на их ход, и даже, благодаря появлению дериваций, на их результат уже после их завершения.

Вывод о том, что социальные действия людей во избежание отхода от реальности не могут рассматриваться по аналогии с актами экономического обмена, которые в приближении условно можно считать совершаемыми в соответствии с логикой объективной целесообразности, ведет к заключению, что общество не в состоянии прийти к наилучшему (оптимальному) устройству его институтов. Однако он еще долго (даже в период работы над «Трактатом») сохранял надежду, что в социальной системе все же должен существовать некий оптимум, обеспечивающий ей хотя бы возможный максимум процветания. Приближение к нему происходит в том случае, если составляющие социальную систему люди оптимизируют деятельность, т.е. стараются избегать неэффективной растраты сил, обеспечить максимум благосостояния при минимуме страданий и усилий. В то же время в «Трактате» он уже сделал вывод о недопустимости использования в научном анализе такой интегральной характеристики, как полезность для общества, «объективная» полезность, общая для всех членов коллектива. По причинам несовпадения интересов, потребностей и влечений людей ни одно общество «не может рассматриваться как одно лицо, отличающееся единством восприятия, сознания, рассуждения» [Pareto 1968: § 2271]. Но окончательно Парето расстался с верой в возможность установления оптимума в устройстве общественной жизни лишь в работе «Трансформации демократии» (1921) [Pareto 1970].

В ней он имплицитно осознает, что после Первой мировой войны и революции в России наступила эпоха, принципиальным образом отличающаяся от века девятнадцатого. Констатируется, что ни одна из имеющихся социальных теорий не годится для объяснения новых реалий: «Если мы обратимся к многочисленным теориям о конституционных и парламентских государствах, которые были представлены за последнее столетие, то окажется, что ни одна из них не отвечает современным событиям. Эти теории указывали в одну сторону, а факты – в другую. ... Кто сейчас интересуется теориями *равновесия* властей? Кто определяет справедливое равновесие между правами государства и индивида? Может ли

⁹ Элементы социальной системы, характеризующие поведение человека и его словесное сопровождение при неадекватном или не вполне адекватном представлении в отношении его собственных действий и действий других людей. Как поясняет Р. Арон, на языке Парето деривации — «это разные словесные средства, с помощью которых отдельные индивиды или группы придают видимую логику тому, что на самом деле ею не обладает или обладает не в такой мере, в какой субъекты хотели бы в это верить» [Арон 1992: 436].

этическое государство, о котором люди говорили с таким уважением, действительно быть создано? ...Трудящиеся предпочитают метафизике осязаемые реалии вроде высокой зарплаты, прогрессивного налога и увеличения свободного времени. При этом они не отказываются от собственных мифов, таких как о пролетарской добродетели, о духе зла, который воплощен в капиталистическом строе, об идеальном правительстве, формируемом из советов рабочих и солдат, от других аналогичных мифов» [Pareto 1970: 10–11]. Парето также указывает на расходящееся с экспериментальной действительностью представление, согласно которому развитие обществ ориентировано на абсолют или на достижение какого-либо идеального состояния.¹⁰ Даже когда участники социальных движений ориентируются в своих действиях на идеальные цели, они «зачастую несознательно идут к той цели, к которой не стали бы идти, если бы знали, куда их приведет этот путь» [Pareto 1970: 12]. Отсюда напрямую следует вывод, что в общественной жизни, которая представляет собой процесс «непрерывного становления», не может быть достигнут никакой оптимум.

Таким образом, в области социологии Парето приходит к выводу, противоречащему тому, в чем он был убежден ранее, когда как экономист и социолог решал задачу нахождения условий формирования оптимальной экономической системы. Опыт катастрофических событий в европейской истории начала XX в. расширил рамки его восприятия и заставил несколько откорректировать ранее созданную теоретическую систему.

Литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс – Политика, 1992.

Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии или Теория общественного богатства / Пер. с фр. И.А. Егорова, А.В. Белянина. М.: Изограф, 2000. <http://www.liberal.ru/book1.asp?Rel=2>

Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. Макроэкономика. СПб.: Питер, 2006.

Лагранж Ж.Л. Аналитическая механика. Т. 1. М.–Л.: Гостехиздат, 1950.

Парето В. Италия в экономическом отношении // Социология. 2006. № 1. С. 200–225.

Pareto V. Considerazioni sui principi fondamentali dell'economia politica pura // Giornale degli economisti. 1892. Maggio.

Aspers P. Crossing the boundary of economics and sociology: The case of Vilfredo Pareto // American Journal of Economic and Sociology. 2001. Vol. 60. No. 2. P. 519–545.

Pareto V. Lettres à M. Brelay // Le monde économique. 1897. 5 juin.

Pareto V. Œuvres complètes. Vol. I: Cours d'économie politique. Genève: Librairie Droz, 1964.

Pareto V. L'Étatisme en Italie // Pareto V. Œuvres complètes. Vol. 4: Libre-échange, protectionnisme et socialisme. Genève: Librairie Droz, 1965.

Pareto V. Œuvres complètes. Vol. 12: Traité de sociologie générale. Genève: Librairie Droz, 1968. http://classiques.uqac.ca/classiques/pareto_wilfredo/traite_socio_generale/traite_socio_gen_fichiers.html

Pareto V. Œuvres complètes. Vol. 13: La transformation de la démocratie. Genève: Librairie Droz, 1970.

¹⁰ Эта констатация представляет собой обобщение представленного им в «Трактате по общей социологии» положения о том, что наибольшая часть социальных действий имеет нелогический характер.